
Алекс Норин
Берег о котором больше не услышат
18+

Алекс Норин

Берег о котором больше не услышат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73152708
SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы умилостивить древнего бога глубин, деревня приносит ему жертву – юношу, рождённого у моря. Его собственный отец отдаёт его, приговаривая: «Он выдержит. Он мой сын». Но Галл'Тун устал от мимолётного страха трупов. Ему нужна живая, вечно горящая ярость.

Он спасает падающего, но забирает его прежнюю жизнь. Теперь это Нактон – человек с щупальцами вместо руки, способный ходить по воде, живой мост между бездной и берегом.

Его месть начинается с той же деревни, где уже празднуют его смерть. Но это лишь первый шаг. Голос бога в его голове становится всё настойчивее, показывая чужие смерти и чужие страхи. Нактон хотел только отомстить предавшим. Галл'Тун же хочет, чтобы он навсегда стал его глазами, руками и голодом на всех берегах мира.

Алекс Норин
Берег о котором больше не услышат

Его когда-то звали по-другому.

Сейчас это имя утонуло вместе с берегом, где он родился.

Деревня стояла у самого моря: кривые домики, гнилые пирсы, вечно мокрые доски под ногами. Люди жили бедно и молились жадно. Не небесам – чёрной бездне под водой.

Они называли его Глубинным, шёпотом, как что-то живое и опасное.

В старых книгах, спрятанных под половицами, было выведено другое имя – корявыми, дрожащими буквами: **Галл'Тун**.

Он вырос в этой сырости и соли, под крики чаек и скрип лодок. С детства ходил в море с отцом. Отец был для него всем: и учителем, и семьёй, и единственным человеком, которому он верил до конца.

Отец смеялся громко, ругался жёстко, но всегда прикрывал сына перед старейшинами, когда тот спорил или отказывался участвовать в странных ночных молитвах у берега.

– Пускай растёт нормальным, – говорил он. – Веры ему и

моря хватит.

Но море вдруг стало жадным.

Сезон за сезоном улов падал. Штормы приходили чаще. За одну ночь буря забрала половину деревни и почти все лодки. Люди ходили по берегу, как по кладбищу.

В тот день отец впервые выглядел старым.

Не уставшим – именно старым.

– Они поднимут старые книги, – сказал он вечером, глядя в чёрную воду. – Я знаю этих псов. Когда им страшно – они вспоминают про Глубинного. Про **Галл'Туна**.

– А ты сам веришь в него? – спросил сын.

Отец промолчал. Это молчание было хуже любого ответа.

Совет собрали через два дня. В большом доме у скалы зажгли свечи, достали те самые книги – пахнущие плесенью, кожей и ещё чем-то, от чего внутри хотелось вымыться.

Он стоял у стены, стараясь не дышать глубоко. Зал был забит: старосты, рыбаки, женщины, даже подростков позвали. В углу – его отец, ссутулившийся, с потемневшим лицом.

Староста говорил долго:

– Наши деды заключили договор с Глубинным…

– Мы забыли обеты…

– **Галл'Тун** забирает своё…

Слова плавали мимо, пока не прозвучало главное:

– Нужна человеческая жертва.

Воздух в комнате стал гуще. Кто-то закашлялся, кто-то опустил глаза. Он лишь смотрел вперёд, как в шторм: если отвлечёшься на страх – утонешь.

– Жертва должна быть из тех, кто рождён у берега, – продолжал староста. – У кого в крови соль. У кого нет малых детей… И кто уже отдал морю многое.

Медленные взгляды начали смещаться. И остановились на нём.

Он вдруг почувствовал, как в груди что-то проваливается. Не от страха – от понимания. Всё стало слишком ясным.

– Он подходит, – сказал кто-то.

– Море знает его, – добавил другой.

– Он сильный, – третий.

Он ждал одного голоса. Единственного. Голоса отца.

Тот молчал.

– Ты же не позволишь, – выдохнул он почти шёпотом, повернувшись к нему. – Скажи что-нибудь.

Отец поднял глаза. В них было всё: страх, усталость, вина. И ещё что-то, от чего у него внутри всё оборвалось: решимость.

– Если мы не дадим жертву, – сказал отец глухо, – море заберёт детей. Всех. Женщин. Стариков. Нас тоже. Он…

– голос сорвался, но он дожал, – он… один. Он выдержит. Он… мой сын.

Слова отца ударили сильнее, чем любой шторм.

«Он выдержит. Он мой сын.»

Это был приговор, сказанный тем, кому он верил больше, чем себе.

Он смотрел на отца и чувствовал, как что-то внутри умирает. Не надежда – доверие. То самое детское, глупое доверие, на котором держится целый мир.

– Значит, вот как, – тихо сказал он.

В комнате никто его не услышал. Все были заняты собственной верой – или страхом, который выдают за веру.

Ночью за ним пришли. Двое мужчин связали ему руки – «по обряду». Отец шёл рядом, не глядя ему в глаза.

Его одели в длинный чёрный плащ, с красными, как засохшая кровь, символами по подолу. Эта одежда всегда где-то висела «для ритуалов», и он впервые подумал: сколько до него уже так одевали и бросали в море?

Маска была тяжёлой, глиняной, с вырезанной спиралью, сходящейся к одному узкому отверстию для глаза. Ему закрыли лицо, будто хороня ещё живого.

– Не бойся, – прошептал староста. – **Галл'Тун** милостив. Ты послужишь деревне…

Он хотел плюнуть ему в лицо, но маска не дала.

По дороге к пирсу он шагал между людьми, которые ко-

гда-то с ним делили хлеб, пили, смеялись. Сейчас они отводили глаза, делая вид, что всё это – не их выбор, а «воля Глубинного».

Лишь у самых ступеней пирса он снова увидел отца. Тот стоял, сжимая поручень, так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Он остановился перед ним. Мужчины, державшие его, на секунду ослабили хватку – «дай им попрощаться».

Он смотрел на отца через щель маски.

Отец смотрел куда-то мимо.

– Посмотри на меня, – проговорил он, слова рвались сквозь ткань. Никто их не понял, но отец понял.

Тот медленно повернулся.

В его глазах не было ни решения, ни смелости. Только животный страх и слабое, липкое оправдание, давно проросшее внутри: «я ничего не мог сделать».

И в этот момент вместо боли пришло другое.

Гнев. Густой, как нефть. Жгучий, как соль в ране.

«Вы все могли, – кричало у него в голове. – Ты мог. Но ты выбрал не меня. Ты выбрал удобный страх».

Его подтолкнули к краю.

Ветер бил в плащ. Внизу бушевало море. В голове кипели не молитвы, а проклятия.

«Если ты есть, **Галл'Тун**, – он швырнул мысль в тьму под

пирсом, – слышишь? Если ты есть, мне плевать, кто ты – бог, чудовище или просто бездна с голосом. Я не прощаю ни их, ни тебя. Если ты возьмёшь меня – ты возьмёшь мой гнев. Я буду ненавидеть тебя изнутри. Всю вечность. Если не готов – не смей меня трогать».

Кто-то позади заорал молитву. Верёвки врезались в запястья. Чей-то голос выкрикнул последнее слово обряда.

Его толкнули.

Он полетел.

Удар о воду был как удар о камень. Холод пронзил до костей. Плащ моментально намок, потянув вниз. Он тонул быстро, тяжело, как груз, который все давно решили выкинуть.

Вода забила в уши. Свет луны превратился в мутное, дрожащее пятно над головой. Все звуки мира исчезли – остался только гул крови в висках и собственные мысли.

Гнев не рассеялся. Наоборот, стал чище. Страх, паника, жалость к себе – всё сгорело в одном чёрном костре ненависти.

«Пускай они молятся, – думал он, захлёбываясь. – Пускай верят, что ты их спасёшь. Я хочу, чтобы ты видел, как я проклинаю тебя вместе с ними. Если ты проглотишь меня, **Галл'Тун**, – я стану занозой в твоём чёртовом брюхе. Буду царапать изнутри, пока тебе не станет больно».

Темнота сгущалась.

И в этой темноте что-то шевельнулось.

Сначала – ощущением. Давление стало иным. Не только вес воды, а чьё-то присутствие. Словно сама бездна повернула к нему лицо.

Где-то ниже разошлась тень – ещё более чёрная, чем ночь вокруг. Из неё потянулись щупальца. Они были не плотью – скорее сгустками самой воды, уплотнённой до безумия.

Они не коснулись кожи. Они вцепились прямо в мысли.

Сознание рвануло в стороны, будто его голову раскололи изнутри.

«ТЫ КРИЧИШЬ ГРОМЧЕ ВСЕХ», – голос **Галл'Туна** раздался сразу везде: в ушах, в костях, в самой крови. – «ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ПРИХОДИЛИ С МОЛИТВОЙ: "СПАСИ", "ПОЩАДИ", "ВОЗЬМИ НЕ МЕНЯ". А ТЫ ПРИШЁЛ С НЕНАВИСТЬЮ».

Он захлёбывался, но мысли жгли:

«Да. Я ненавижу. Тебя. Их. Отца. Всех. Если ты бог, ты ничем не лучше их. Они продают меня тебе, ты – просто принимаешь».

«Я ПРИНИМАЮ МНОГОЕ», – голос был спокоен. – «НО НЕ ВСЁ МНЕ НРАВИТСЯ. ИХ СТРАХ СТАЛ ПРЕСНЫМ, КАК ПРОТУХШИЙ СУП. ОНИ ПРИНОСЯТ ЖЕРТВ, НЕ СМОТРЯ ИМ В ГЛАЗА. ОНИ ВЕРЯТ, ЧТО УПРАВЛЯЮТ МОИМ ГОЛОДОМ. ЧТО Я – ИХ ИНСТРУМЕНТ».

Щупальца плотнее сомкнулись вокруг него, не касаясь те-

ла, но создавая ощущение, будто он в чьей-то ладони.

«НО Я НЕ ИНСТРУМЕНТ. Я – ГОЛОД. И Я ХОЧУ НОВОЙ ПИЩИ», – продолжал **Галл'Тун**. – «МНЕ НУЖЕН ИХ СТРАХ ПЕРЕД ТОБОЙ. МНЕ НУЖЕН ТВОЙ ГНЕВ, ГОТОВЫЙ ЖЕЧЬ ГОДАМИ. А НЕ МИНУТНЫЙ ВИСК ПЕРЕД СМЕРТЬЮ».

Он попытался рвануться, но тело было тяжёлым, как камень.

«Сожри меня и заткнись», – сорвалась мысль. – «Я не буду тебе молиться. Если я окажусь в тебе, я буду царапать тебя изнутри, пока ты не взвоешь».

На миг в темноте стало совсем тихо. Только гул крови в висках.

«ХОРОШИЙ ОБРАЗ», – признал **Галл'Тун**. – «ЗАНОЗА В МОЁМ ЧЕРЕВЕ. Я ХОТЕЛ БЫ ПОЧУВСТВОВАТЬ ЭТУ БОЛЬ. НО ЕСТЬ ЛУЧШИЙ ВАРИАНТ: Я НЕ ПРОГЛОЧУ ТЕБЯ ЦЕЛИКОМ».

Щупальца потянулись к его левой руке.

«Я ГОЛОДЕН, – сказал бог. – НО МНЕ НУЖНЫ НЕ ТОЛЬКО ТРУПЫ. МНЕ НУЖНЫ РУКИ, КОТОРЫМИ МОЖНО ДОТЯНУТЬСЯ ДО БЕРЕГА. МНЕ НУЖЕН ТОТ, КТО МОЖЕТ ОБНЯТЬ ЦЕЛУЮ ДЕРЕВНЮ РАЗОМ. СЖАТЬ. ЗАДЕРЖАТЬ. ПРИТЯНУТЬ ПОБЛИЖЕ К МОИМ ВОДАМ».

Боль вспыхнула в левой руке. Кости загудели, будто их ломали и переплавляли прямо в суставах. Он попытался за-

кричать – в лёгкие тут же вломилась вода.

«ТВОИ ЛЮДСКИЕ КОСТИ МАЛО ЧЕГО СТОЯТ В МОЁЙ ГЛУБИНЕ, – голос **Галл'Туна** стал ниже. – НО Я ДАМ ТЕБЕ ЧАСТЬ СЕБЯ. МОИ ЩУПАЛЬЦА – НЕ ПРОСТО МЯСО. ЭТО МОИ РУКИ В ТВОЁМ МИРЕ. ИМИ МОЖНО ДОТЯНУТЬСЯ ДО ЛЮБОГО, КТО СТОИТ НА БЕРЕГУ И ДУМАЕТ, ЧТО ОН В БЕЗОПАСНОСТИ».

Левая рука исчезла – в ощущении. Вместо неё выросло что-то иное: три тёмно-зелёных, гибких, скользких щупальца. Они трепетали в толще воды, чувствуя каждый её ток, каждое движение.

Внутри них была не просто сила – там ощущалось эхо самого морского дна, холодного и бездонного.

«ЭТИМИ ЩУПАЛЬЦАМИ ТЫ СМОЖЕШЬ ТЯНУТЬ К СЕБЕ, – продолжал бог. – КОРАБЛИ. ЛОДКИ. ЛЮДЕЙ. И КОГДА ОНИ БУДУТ ВИЗЖАТЬ В ТВОИХ РУКАХ – Я БУДУ ЕСТЬ ИХ СТРАХ ЧЕРЕЗ ТЕБЯ. КАПЛЯ ЗА КАПЛЕЙ».

Маска на лице сжалась, прирастая к коже. Плащ стал тяжёлым, как сама ночь, и в этом весе чувствовалась метка.

«ТЕБЯ ПРИНЕСЛИ КАК МЁРТВОГО», – сказал **Галл'Тун**. – «НО МЁРТВЫЙ – ЭТО МГНОВЕНИЕ. А МНЕ НУЖНА ДОЛГАЯ ПИЩА. ЖИВАЯ. ПОЭТОМУ Я ОСТАВЛЮ ТЕБЯ. Я БУДУ ЖИТЬ В ТВОЁМ ГНЕВЕ. А ТЫ – В МОИХ ВОДАХ».

В темноте что-то сдвинулось ещё раз.

«ТВОЁ СТАРОЕ ИМЯ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНО, – продолжал бог. – ОНО ОСТАЛОСЬ НА ПИРСЕ, В ИХ РТАХ, В ИХ ЛЖИВЫХ "ОН ВЫДЕРЖИТ". ТЕБЯ ЗОВУТ…»

Слово сложилось медленно, будто из осколков ночи.

«**НАКТОН**», – произнёс **Галл'Тун**. – «НОЧНОЙ КРЮК. КРЮЧОК В МОИХ ГЛУБИНАХ, ЗА КОТОРЫЙ Я БУДУ ТЯНУТЬ ИХ СНЫ. ЗАПОМНИ. НАКТОН – ЭТО ТОТ, КТО НЕ УТОНУЛ, А ВЕРНУЛСЯ».

Имя ударило в сознание так же резко, как холод при падении. Нактон. Звучало чужим. Но чем больше он его слышал, тем сильнее понимал: прежнее имя уже не вернуть. И не нужно.

«Я НЕ ТВОЙ СЫН», – подумал он. – «Я – Нактон. И я иду за теми, кто решил, что вправе бросать людей в твою пасть».

«ВОТ ТЕПЕРЬ МНЕ НРАВИТСЯ», – удовлетворённо сказал **Галл'Тун**. – «ИДИ. КАЖДЫЙ ИХ ВЗГЛЯД НА ТЕБЯ – ЭТО МОЙ ПИР. КАЖДОЕ ИХ ШЁПОТОМ ПРОИЗНЕСЁННОЕ "ОН ВЕРНУЛСЯ" – ЭТО МОЯ НАГРАДА. А ТВОИ ЩУПАЛЬЦА – ЭТО МОИ РУКИ, ЧТОБЫ ЭТОТ ПИР НИКОГДА НЕ ЗАКОНЧИЛСЯ».

Вода под ним вдруг стала плотнее, толкнула вверх. Темнота разжалась.

Он вырвался на поверхность, захватив воздух.

До берега было далеко – тонкая чёрная полоска. Он стоял на воде, а с левой стороны размеренно шевелились три щу-

пальца, послушные мысли.

«Я СЛЕЖУ, НАКТОН», – прозвучал в голове ровный гул **Галл'Туна**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.